

Биография Магнитки

Мемориальная доска на фасаде дома № 18 по улице Труда посвящена магнитогорскому художнику Николаю Рябову. Живописец, график, портретист, он работал в традициях реалистического искусства, черпая образы и вдохновение в Магнитогорске и его жителях.

Николай Рябов родился в деревне Ершовка Кизильского района Челябинской области. В 1936–1941 годах занимался в изостудии города Сибая, с 1943 по 1945 год призван на фронт. Как человек скромный, всегда подчёркивал, что в военных операциях не участвовал. Служил инструктором – радиотелеграфистом, а после войны продолжил службу командиром взвода связи автомобильного батальона, а затем начальником радиостанции в 237-м арtpолку. Демобилизовавшись, окончил Свердловское художественное училище, Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, работал художником-оформителем на Сибайском медносерном комбинате.

В Магнитогорск Николай Рябов переехал в 1958 году и стремительно включился в художественную жизнь города. Много и плодотворно работал в художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР, входил в градостроительный совет, на общественных началах курировал изостудию левобережного ДК металлургов. В 1966 году принят в Союз художников СССР. В своём творчестве Николай Рябов опирался на традиции реалистического искусства, обращался к социальным темам, миру человека, значительным событиям в истории страны и края. Слово «Отечество» не было для него пустым звуком, отмечали знавшие художника люди. Все беды России отзывались в его сердце – «до боли, до плача, до крика».

«Из детства он вынес в памяти историю раскулачивания своей семьи, – вспоминала искусствовед Лилия Филатова. – На его глазах больную, уже недвижимую бабушку вынесли из разоряемого дома и бросили на подводу, а через некоторое время арестовали мать, и маленькому Николаю пришлось носить передачи в женскую тюрьму. Потом пришли за отцом – казаком Петром Рябовым... Этого забыть он не мог. Но внутренний конфликт с властью Рябов всегда оставлял за плоскостью своих полотен. Не потому ли мир образов, созданных им на протяжении трёх с половиной

«В этом здании жил и работал...»

Проект «Магнитогорского металла», посвящённый людям и событиям, в память о которых установлены мемориальные доски

десятилетий, светел, гармоничен и радостен. Николай Рябов любил и понимал людей, портретная направленность его творчества – естественное продолжение интереса к человеческим судьбам. Как-то он признался, что хотел бы создать живописное полотно, которое бы олицетворяло семейный портрет всего человечества...»

В 1982 году работа Николая Рябова «Хонеккер на Магнитке. 1930 год» была подарена советским правительством Эриху Хонеккеру на 70-летие. В ответ политик прислал художнику книгу с дарственной надписью.

«В мастерской у Николая Петровича Рябова было много книг и всегда звучала музыка, напряжённая, без слов, как будто происходит некий неостановимый процесс, – писала поэтесса Римма Дышленкова. – Он хорошо чувствовал и понимал авангардное искусство, его противостояние реализму, выписывал европейские журналы по изобразительному искусству, следил за итальянскими биеннале по авангарду, но сам оставался приверженцем школы реализма. И магнитогорские авангардисты, по

сути, исключая реализм из своих интересов, уважали Рябова как мастера реализма и ценителя авангарда. Николай Петрович принимал непосредственное участие в судьбе крупнейшего в Магнитогорске авангардиста Виктора Антонова. Сорился с местными властями по поводу неблагоустроенной жизни этого художника и долгое время был единственным хранителем его творческого наследия. До тех пор, пока на это наследие не обратила внимание картинная галерея».

Галерея портретов, созданных Николаем Рябовым, велика. Своих героев он находил рядом, отмечала Лилия Филатова, это были его друзья, приятели, случайные посетители мастерской, передовые рабочие, мастерицы, просто красивые люди. С удовольствием изображал художник людей искусства.

Николай Рябов создал серию живописно-графических портретов деятелей музыкальной культуры страны: А.Н. Пахмутовой, Е.Н. Птичкина, С.Т. Рихтера, М.Л. Таривердиева, В.И. Федосеева, М.Г. Фрадкина, Я.А. Френкеля, Р.К. Щедрина; галерею образов ветеранов и работников комбината: «Домностроитель В.В. Шеголев», «Герой Социалистического Труда коксохимик Г.М. Дорогобид», «Каменщица Магнитостроя Зоя Синицкая», «Закройщица швейной фабрики Люба Акатова», «Горновой Чевычелов», «Герой Социалистического Труда Е.Ф. Стоянкин», «Дважды Герой Социалистического Труда В.Д. Наумкин»; представителей магнитогорской творческой интеллигенции: Н.П. Воронова, С.В. Мелешина, Б.А. Ручьёва.

«Природную красоту своей малой родины – Южного Урала – Рябов писал подчёркнуто строго: вне времени, вне цивилизации и человеческого присутствия, – отмечала

Филатова. – Страдающая душа художника напоминает о себе лишь нервным динамическим мазком кисти, слегка шероховатой фактурой поверхности холста. К натюрмортам Николай Петрович относился как к своеобразным живописным упражнениям: он отбирал предметы, любясь их броским цветом, фактурностью, оригинальной формой: строил композицию, работал с освещением, добиваясь впечатления равномерной светозарной воздушной среды, усиливающей звучность красок. Часто это фантазия в русском стиле: самовары, расшитые полотенца, расписные ложки, крендели, баранки».

Произведения Николая Рябова хранятся в музеях Челябинска, Магнитогорска, в частных собраниях России и за рубежом. Они – подтверждение того, что художник считал своим долгом истовое служение России, возвеличивание родной страны, её народа, просторов.

Подготовила Елена Брызгалова

Страницы истории

В начале сентября 1966 года в Магнитогорск прибыла очередная группа монгольской молодёжи.

Монгольская Народная Республика переживала бум промышленного и гражданского строительства, в связи с чем стране требовались квалифицированные рабочие кадры. Помощь Монголии в подготовке специалистов строительных специальностей оказывали восемь училищ СССР, в том числе и магнитогорское училище № 15. Первая партия монгольской молодёжи – 300 человек – прибыла на Урал в 1963 году. В недалёком будущем им предстояло стать машинами башенных кранов, слесарями по ремонту строительных машин, бульдозеристами, штукатурами, малярами, слесарями

На языке дружбы

по контрольно-измерительным приборам и автоматуке, по ремонту дизелей, обмуровщикам теплоизоляции, арматурщиками-бетонщиками, стекольщиками. Учебная программа, наряду со специальными общетехническими предметами – электротехникой, технической механикой, техническим черчением, предусматривала изучение русского языка. Через два года монгольские посланцы возвращались на родину, имея советские дипломы по девяти строительным профессиям.

Следующие 120 студентов прошли подготовку для работы масте-

рами производственного обучения, мастерами и бригадирами в производственных бригадах. В сентябре 1966 года приступил к учёбе третий отряд монгольских юношей и девушек – 150 человек. Они осваивали специальности столяров-плотников, слесарей, трубокладчиков, маляров-штукатуров и обжигальщиков извести.

Производственную, а заодно и языковую практику монголы проходили в строительных управлениях и организациях города, на строящихся гражданских и промышленных объектах. Большую помощь в овладении русским языком монгольским

специалистам оказывали студенты педагогического института. За каждой комнатой, где жили три-четыре учащихся, была закреплена студентка, которая занималась с ними в часы самоподготовки. Монголов не оставляли без внимания и вне рабочего времени. Их вовлекали в кружки, записывали в библиотеки и спортивные секции.

Магнитогорское профессионально-техническое училище № 15 стало постоянной кузницей кадров для Монголии. Благодаря этому сотрудничеству только за первые два года число строительных рабочих в МНР увеличилось в два с половиной раза.

Но Магнитка готовила для Монголии не только квалифицированные строительные кадры, большим спросом в МНР пользовались

изделия металлургического комбината, калибровочного, метизно-металлургического заводов, завода горного оборудования и кранового завода. В Монголию отправляли из Магнитки сортовую сталь, толстый и тонкий лист, белую жёсть, стальные канаты, проволоку, стальную ленту, крепёжные изделия, гвозди, станки ударного бурения, мостовые краны.

Провожая монгольских друзей на родину, магнитогорцы отмечали, что во время первой встречи на перроне звучали два языка – русский и монгольский. А во время прощания – только русская речь: монголы свободно говорили на языке своих друзей. А из уст провожающих нет-нет да и срывались душевные слова на монгольском языке.